

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности · 7

Введение · 9

Мелкие неприятности, серьезный вред · 9;
Неартикулированное пустословие · 13; Скептицизм
в отношении микроагрессии · 18; Призыв к избегающим
конфликтов эгалитаристам · 26

1. Основы микроагрессии · 31

Честер Пирс и способы агрессии · 31; Микроагрессия
подрастает · 38; Современные исследования
микроагрессии · 42; Часто задаваемые вопросы · 48;
А теперь — к деталям · 75

2. Все в глазах смотрящего? · 77

Мотивы и сомнения · 84; Разновидности скептицизма
в отношении микроагрессии · 93; Чья точка зрения
(больше) принимается во внимание? · 103; Спросите
эксперта · 107; Проблема трагических совпадений · 113;
Теория неоднозначного опыта · 117; Травма
неоднозначности · 123; Тревожные теории · 129

3. Коллективный вред и индивидуальная вина · 135

Механика угнетения · 142; Структурная теория
микроагрессии · 149; Проблемы с окружающей
средой · 156; Массовые пытки: безвредный способ · 165;
Мебель из секвойи · 168; Двойкий коллективный вред · 171;
Вина и удача · 176

4. Проблемы свободного выбора: незнание и отсутствие контроля над ситуацией · 182
Хвастая катапультой · 185; Это неуловимое неведение · 190; Перепрограммировать публичностные процессы · 197; Подноготная угнетения · 207; Бездумная эпидемиология предрассудков · 212; Опьяненные стереотипами · 215; Способность к моральному действию выходит из-под контроля · 220; Предварительные выводы: все сложно · 229
 5. Пролептическое порицание · 232
Как приветствовать гостей · 241; Порицание для лабораторных крыс · 244; Тяготы человеческих отношений · 250; Стыд и позор · 258; Пролептическое порицание · 269; От теории к практике · 280
 6. Как исправиться · 283
Дистанционное управление · 290; Псевдопроблемы: промывание мозгов и цензура · 296; Ментальная перестановка колес · 303; Институциональные решения проблемы коллективного вреда · 309; Безопасное пространство · 312; Ремонтное переименование · 321; Борьба с угнетением: график дежурств · 331
 7. Неприятие и отрицание · 334
Неприятие · 341; Нарративы жертвы и паника избалованных · 347; Сторонние наблюдатели, союзники и риски · 360; Парадокс пролептического порицания · 366
 8. Умелое порицание и хаос в социальных сетях · 375
Проблема патернализма · 379; Порицать порицающих? · 386; Когда говорят свысока · 390; Призывать к ответу и увещевать · 403; Демонстративная добродетель · 408; Хаос в социальных сетях · 414
- Заключение. Справедливость для несовершенного мира · 422
- Литература · 429

Благодарности

Выражаю глубокую признательность своим научным ассистентам Ирмаку Айдемиру и Терезе Пьер — не только за их усердные изыскания, но и за ценные советы. Благодарю и Эмму Макклюр за помощь с составлением указателя и даже больше — за многие часы полезных обсуждений. (Следите за диссертацией Эммы, которая станет весомым вкладом в теорию микроагрессии.)

Тони Брюс, мой редактор в Routledge, сыграл огромную роль в запуске этого проекта и помогал направлять его на всем протяжении. Спасибо также Адаму Джонсону из Routledge и нескольким анонимным рецензентам за их в высшей степени полезные комментарии к заявке и к самой рукописи.

Эта книга никогда бы не появилась без поддержки Эрика Швицгебеля, который предложил мне сформулировать мои первоначальные мысли для гостевого выступления в его блоге *The Splintered Mind*. Этот пост в блоге привел к статье в *Los Angeles Times* под редакцией Джульетты Лapidос, которая помогла мне увидеть необходимость больше писать на эту тему. Я также в долгу у многих своих друзей из различных социальных сетей, которые помогли мне прояснить эти первоначальные идеи.

На заключительном этапе мне очень помог семинар по написанию научных работ в Бостонском университете, организованный неизменно щедрым Виктором Кумаром. Выражаю благодарность его участникам — Майше Черри, Салли Хаслангер, Адаму Хосейну, Кей Мэтисен, Рэйчел МакКинни, Серене Парех, Анне Скарпелис и Олуфеме Тайво.

Многие читали черновики глав или обсуждали со мной какие-либо идеи. Прежде всего огромное спасибо тем, кого я неизбежно забуду здесь назвать. За комментарии к черновикам я благодарю Лауру Акерс, Молли Крокетт, Майкла Добера, Лорен Фриман, Шону Гордон-Маккеон, Хайму Либовиц, Джейми Ломбарди, Джордана Маккензи, Эмму Макклюр, Хавьера Перес-Гомез, Дэвида Шрауба, Джона Шахина, Уолтера Синнотт-Армстронга и Эннесс Вебстер. За полезные обсуждения я признательна Лорен Эшуелл, Бане Башур, Дэвиду Бунину, Спенсеру Кейсу, Кристине Фридлендер, Сэмюэлу Гейтсу, Ребекке Харрисон, Мине Кришнамурти, Стивену Льюксу, Эдуарду Машери, Кейт Мэнн, Эрике Хатале Маттес, Микаэле Максуини, Софи Мерфи, Ти Нгуен, Иэну Оласову, Эллиоту Полу, Джанин Уикс Шроер, Николасу Смиту, Лизе Тессман и Робину Чжэну.

Некоторые части этой книги появились благодаря замечательным вопросам, заданным слушателями в Бингемтонском университете, Бруклинской публичной библиотеке, участниками собрания Тихоокеанского подразделения Американского философского общества 2017 года, в Исследовательской группе по моральной психологии в Университете Миннесоты, Техасском университете в Эль-Пасо, Университете Торонто, Бостонском университете и университете Квинс.

Мое исследование получило финансовую поддержку канадского Совета по социальным и гуманитарным исследованиям.

И наконец, большое спасибо моим замечательным коллегам и студентам за поддержку и идеи. Особенно я благодарна слушателям двух аспирантских семинаров — весеннего 2017 года в Нью-Йоркском университете и осеннего 2017 года в Йоркском университете, — которые помогли мне понять, что я хочу сказать, и вдохновили меня держаться этого.

Введение

Мелкие неприятности, серьезный вред

РАССКАЗЧИК, от лица которого ведется повествование в романе Вьет Тхань Нгуена «Сочувствующий», — человек, который знал много обид. Его мать была вьетнамской крестьянкой, а отец — французским священником, издевавшимся над ее верой. Выросшему полукровкой во Вьетнаме 1950-х годов, рассказчику никогда не позволяли забыть, что он не такой, как все. В следующем отрывке он описывает праздничную традицию — раздачу красных конвертов с деньгами «на счастье» старшими членами семьи детям:

Серьезный и взволнованный, я ждал в толпе других детей, когда наступит моя очередь подойти к каждому из взрослых и произнести маленькую речь с пожеланиями здоровья и счастья. Но хотя я не позабыл ни слова, не запинался, как большинство моих кузенов, и излучал искренность и обаяние, Тетя Номер Два не наградила меня красным конвертиком... «Я обсчиталась, — сказала эта ведьма, глядя на меня сверху вниз. — Взяла на один меньше». Я замер с почтительно сложенными на груди руками в ожидании волшебного конверта или по крайней мере извинения, но больше ничего так и не последовало — прошло, как мне показалось, несколько минут, прежде чем мама

положила мне на плечо ладонь и сказала: «Поблаговари тетю за то, что она так любезно преподала тебе урок»¹.

Может показаться, что это мелочь — не получить вместе со всеми немного денег на Новый год. Но мелочь не такая уж и мелочь, когда она одна из множества мелочей. Рассказчик помнит этот случай, потому что он олицетворил собой целую систему оскорблений и несправедливостей. Он помнит его, уже будучи взрослым, десятилетия спустя, потому что этот случай положил начало осознанию им той реальности, в которой он живет. «В моей жизни, — говорит он, — не было другого дня, когда я узнал бы так много о себе, мире и его обитателях».

Большинству из нас повезло, и мы не росли в окружении таких жестоких родственников, но у всех нас есть воспоминания о мелких обидах, причиненных людьми, которых мы любим. Вернитесь мысленно в какой-нибудь момент из своего детства, когда ваши родители забыли прийти на ваш фортепианный концерт или не смогли найти время, чтобы поболеть за вас на баскетбольном турнире. Вспомните, как было тогда больно. В конце концов вы, вероятно, решили, что надо двигаться дальше, отпустить ситуацию. Когда мы вырастаем из детства, все мы учимся отпускать разные мелочи.

Но что, если эти мелочи складываются в нечто большее? Представьте, что по мере взросления вы стали замечать в этих маленьких обидах закономерность. Вы начали понимать, что ваши родители пропускали ваши фортепианные концерты и баскетбольные матчи гораздо чаще, чем выступления ваших братьев и сестер. Сначала вам казалось, что вы

1. (Nguyen, 2015, p. 140; Вьет Тхань Нгуен, 2019, с. 186).

все это выдумали, что это старое доброе соперничество между братьями и сестрами. Но со временем вы поняли, что правы: родители действительно относятся к вам немного иначе, совсем чуточку похуже, чем к вашим братьям и сестрам. Все эти маленькие моменты, когда к тебе относятся иначе, приводят к большому выводу: *вы* — самый нелюбимый ребенок. И осознание *этого* гораздо больнее, чем один или два раза сыграть без группы поддержки.

Мелочи сами по себе не то же самое, что мелочи, сложенные вместе. Это верно для семейной драмы. Это верно и для пчелиных укусов: если только у вас нет аллергии, один пчелиный укус — это не то, из-за чего взрослому человеку стоит кричать и паниковать. Но если на вас налетит целый рой разъяренных пчел, глупо будет стоять и размышлять: подумаешь, всего лишь один маленький укус, потом еще один маленький укус, еще один маленький укус... от целого роя маленьких укусов *надо* убежать. Разрешается даже кричать.

Так вот, в этом отношении социальное угнетение похоже на невнимание к ребенку и на рои разъяренных пчел. Социальное угнетение чрезвычайно пагубно, поскольку оно несправедливо сужает возможности человека из-за его расы, пола, религии, сексуальной ориентации, физических возможностей и т. д. Но этот огромный ущерб в действительности не является какой-то *одной* вещью, одним большим злом, которое творится в определенном месте и в определенное время. Социальное угнетение — это система, самовоспроизводящийся сговор идеологии и попыток «ставить людей на место», который действует на протяжении поколений и обнаруживается в обществе везде и сразу. Система угнетения охватывает множество различных видов индивидуального вреда, некоторые из которых — отказ в избиратель-

ных правах или праве на брак, запугивание насилем, убийство — сами по себе являются большими и серьезными видами вреда. Но система также несет в себе мелкий вред, мгновенные обиды, с которыми, кажется, можно справиться по отдельности, пока камера не отдалится и вы не увидите размер всего роя.

Микроагрессия — это мелкое оскорбление или унижение, связанное с принадлежностью человека к социально угнетенной группе, которое само по себе кажется незначительным, но составляет часть существенного системного вреда. Эта книга о микроагрессии. Как ее распознать? Что делает ее таким злом? Как с ней бороться? И главный вопрос этой книги: заслуживаем ли мы морального осуждения, когда проявляем микроагрессию к другим людям?

Почти все мы в тот или иной момент совершали микроагрессию. Часто мы даже не хотели этого делать. Можно ли громадную тяжесть ответственности за нечто столь большое, как социальный гнет, возлагать на необдуманные сиюминутные ошибки?

Мой ответ будет: в общем, да. Но все не так просто.

Другими словами, я собираюсь дать философский ответ, а он никогда не бывает простым. Полный ответ сопровождается тщательными различиями и оговорками, и на то, чтобы собрать его воедино, потребуется время. Но в качестве превью: нет, напрямую нас не следует порицать за микроагрессии, потому что они слишком малы, скоротечны и диффузны, чтобы мы могли их контролировать. Но есть вещи, которые мы можем сделать более обстоятельно и обдуманно, чтобы совершать микроагрессии реже или смягчить последствия тех из них, которые в любом случае произойдут. И нас *можно* порицать, если мы не прикладываем никаких усилий, чтобы уменьшить вред, который наносим микроагрессией. Еще тоньше: при определенных усло-

виях порицание, даже незаслуженное, может быть единственным эффективным способом решения некоторых социальных проблем. Но подобное порицание может быть опасным. Другими словами, все сложно.

Неартикулированное пустословие

Для начала нам потребуются конкретные примеры микроагрессии. Вот один из самых известных. В начале 2007 года сенатор Джозеф Байден только что объявил о начале своей (второй) кампании по выдвижению на пост президента США от Демократической партии. В ходе интервью газете *The New York Observer* он, не подумав, дал несколько откровенных оценок своих основных оппонентов (и очень кстати признал, что иногда грешит пустословием). Вот что он сказал об одном молодом коллеге по сенату, все более известном человеке из Иллинойса по имени Барак Обама: «Я имею в виду, у нас появился первый мейнстримный афроамериканец, артикулированный, умный, симпатичный парень с безупречной репутацией. Ну прямо как из сказки»².

Это было глупо. Кроме того, это было микроагрессией. Создалось впечатление, хотел он этого или нет, что Байден лично *удивлен* при виде артикулированного афроамериканца с безупречной репутацией. Это не совсем то, что имел в виду Байден, и, подозреваю, большинство людей это поняли. Сам Обама в своей первой публичной реакции на это замечание сказал: «Я не принял это близко к сердцу и не думаю, что он намеревался меня оскорбить. Но формулировка, вероятно, была не совсем удач-

2. (Horowitz, 2007).

ной»³. Позже Байден попытался выйти из положения, заявив журналистам: «Когда появился этот парень, то он поразил воображение всей страны как никто другой. В этом и был смысл моих слов»⁴. Вскоре он просто извинился.

Из этого примера мы можем извлечь три урока, касающихся микроагрессии. Первый заключается в том, что отдельный *эпизод* — конкретное замечание или действие — зачастую гораздо менее важен, чем то, что он символизирует. Юджин Робинсон в статье для *The Washington Post* объясняет, почему он и некоторые другие афроамериканцы считают такое использование слова «артикулированный» неприемлемым:

Я понимаю, что это слово должно было послужить комплиментом, но оно используется для обозначения гораздо большего, чем способность ясно выражать свои мысли. Его используют для того, чтобы сказать даже больше, чем «вот чернокожий, который говорит на правильном английском, без примеси жаргонизмов».

Слово «артикулированный» в этом смысле охватывает не только речь, но и целый ряд культурных сигналов — одежду, осанку, образование, гандикап в гольфе. Оно используется для характеристики чернокожего, с которым могут комфортно общаться белые, чернокожего, который не только говорит на языке белой Америки, но и свободно владеет ее телесным кодом.

И часто это слово произносится с удивленным видом, как будто это невероятная и удивительная вещь, что чернокожему удалось взломать этот код. Не могу не вспомнить известную цитату

3. (Nagourney, 2007).

4. (Gregory, 2007).

Сэмюэля Джонсона: «Сэр, женщина-проповедник подобна собаке, ходящей на задних лапах. Получается не очень хорошо, но вы удивлены, что она вообще это делает»⁵.

Обратим внимание, что Робинсон говорит не просто об одном эпизоде 2007 года, когда Джо Байден сказал эти слова о Бараке Обаме. Он говорит о *закономерности*, о том, что многие афроамериканцы сразу узнали бы в слове «артикулированный» кодовое слово определенного типа. Казалось бы, это комплимент — и, возможно, именно это и имел в виду Байден. Но существует закономерность, система, которая превращает единичный эпизод в часть чего-то большего и очень нелестного.

Второй урок: общественное обсуждение микроагрессии обычно игнорирует всю эту историю про закономерности и системы. Всех закидывает на конкретном случае и конкретных людях. Оказался ли Джо Байден *расистом*!? Обиделся ли Барак Обама? А как насчет Джесси Джексона, одного из предшественников Обамы на посту кандидата в президенты — афроамериканца? Обиделся ли он? (Возможно. Джексон не преминул напомнить *The New York Times*, что он добился большего успеха, чем Байден, когда они оба баллотировались на пост президента двадцатью годами ранее⁶.)

Пока наше внимание сосредоточено на частностях, разговор сводится к референдуму о том, насколько нас разозлил данный конкретный человек. Примерно тогда же, когда Байден совершил свою оплошность, Джордж Буш-младший тоже назвал Обаму «артикулированным» (хотя и ничего не ска-

5. (Robinson, 2007).

6. (Nagourney, 2007).

зал о репутации). Вот как отреагировал на это ведущий Fox News Билл О'Рейли:

[Когда] президент Буш назвал сенатора Обаму артикулированным, то, признаюсь, я подумал, что он сделал этому парню искренний комплимент. Я имею в виду, кто знал, что некоторые афроамериканцы сочтут слово на «а» оскорбительным? Многие из нас до сих пор в замешательстве. По мнению некоторых обозревателей, если вы называете чернокожего «артикулированным», вы подразумеваете, что другие чернокожие таковыми не являются. Вы выражаете удивление тем, что афроамериканец действительно может хорошо говорить по-английски. И это снисходительность, не так ли?

Окей, может быть. Но тон г-на Буша вовсе не был снисходительным. Так что я списываю это на легкую паранойю и/или на игру в жертву.

Многие из нас знают людей всех рас, которые являются профессиональными жертвами. Они везде видят обиды. Весь мир против них, и если ты живешь в этом мире, то ты тоже против. С этими людьми трудно иметь дело. Все, что вы им скажете, может быть использовано и будет использовано против вас⁷.

Обратим внимание, что О'Рейли признает, что называть афроамериканцев «артикулированными» *может* быть проявлением снисходительности. Но он тут же решает, что Буш *не* говорил снисходительным тоном. Значит, Буш, видимо, не проявлял снисходительность. Так что если кто-то обиделся, то он должен быть «профессиональной жертвой», которая «везде видит обиды».

7. (O'Reilly, 2007).

О'Рейли упустил суть. Дело не в том, чтобы решить, является ли лично Буш (или Байден) снисходительным расистом. Дело в том, чтобы понять, что использование этого слова таким образом имеет свою историю и что эта история более очевидна для одних людей, чем для других.

Интересно, что, казалось бы, О'Рейли был открыт для этой идеи. Он также написал: «Некоторые белые сочли, что реакция на замечание Байдена была преувеличенной, но подумайте вот о чем: если бы кто-то назвал меня, американца ирландского происхождения, „трезвомыслящим человеком“, наверняка большинство ирландцев подняло бы коллективную бровь удивления»⁸.

«Коллективная бровь удивления» — вот в чем дело. К сожалению, мы раз за разом уходим в сторону, пытаясь решить, действительно ли чей-то тон был снисходительным или действительно ли кто-то хотел кого-то оскорбить. Одна из главных целей этой книги — уберечь нас от напрасной драмы осуждения отдельных личностей и сфокусироваться на решении серьезных проблем на уровне общества.

Третий и последний урок из оплошности Байдена более обнадеживает: люди преодолевают свою микроагрессию. Это важный момент, потому что нам часто очень трудно говорить о пагубных моделях социального угнетения, стоящих за микроагрессией. Все боятся, что их сочтут расистами или сексистами. Когда ты злодей, никто не хочет с тобой дружить. Признаться в микроагрессии — значит ощутить себя в одном шаге от социального апокалипсиса. Но если смотреть на вещи шире и помнить, что в конечном счете речь идет о боль-

8. (O'Reilly, 2007).

ших системах за пределами нас самих, то обязательно все сложится именно так.

Джо Байден извинился за свое глупое замечание. А два года спустя он стал вице-президентом Барака Обамы. «Броманс» Обамы и Байдена уже стал легендарным; в последние несколько дней своего правления Обама наградил плачущего Байдена президентской медалью Свободы, крепкими объятиями и титулом «мой брат». В одном интервью на их последней неделе Байден сказал об Обаме: «Он мне не нравится. Я его люблю»⁹.

Наши самые незначительные действия могут ранить людей, которых мы любим: семью, коллег, президентов. Но они могут ранить и незнакомцев. Центральная идея микроагрессии состоит в том, что маленькие поступки, которые мы совершаем, будучи опосредованы большими социальными системами, могут причинить людям гораздо больший вред, чем мы могли бы подумать. Наша задача состоит в том, чтобы выяснить, насколько мы можем порицать себя и других за этот вред, как мы можем сосредоточиться на социальных системах, а не на отдельных лицах и, самое главное, как мы можем изменить наши общества, чтобы устранить большую боль, причиняемую маленькими ошибками.

Скептицизм в отношении микроагрессии

Некоторые люди не верят в микроагрессию. Иногда они даже думают, что те, кто утверждает, что стал объектом микроагрессии, — просто чрезмерно чувствительные «профессиональные жертвы» (как ска-

9. (NBC News, 2017).

зал Билл О'Рейли), которые *всюду выискивают* невинные ошибки, чтобы поднять крик «Расизм! Сексизм!». Или, возможно, эти скептики могут понять, почему некоторые неуклюжие замечания, вроде оплошности Байдена с «артикулированным» Обамой, вызывают раздражение, но не видят смысла иметь специальный термин для подобного рода оплошностей или придавать им чересчур большое значение. Да, иногда люди говорят глупые, оскорбительные вещи. Но зачем тратить время на эти мелкие ошибки? Почему не отмахнуться от них, не научиться быть более толстокожими и двигаться дальше? Если ваша реакция на обсуждение микроагрессии напоминает что-нибудь из этого, то вы — *скептик в отношении микроагрессии*.

В 2014 году в статье в журнале *City Journal*, озаглавленной «Фарс микроагрессии», политический обозреватель Хизер Мак Дональд написала: «Быть взрослым — значит уметь отличать реальную проблему от тривиальной»¹⁰. Микроагрессия, по мнению Мак Дональд, — проблема тривиальная. Ее статья посвящена событиям в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, в ходе которых темнокожие студенты утверждали, что преподаватели обращаются с ними без должного уважения к их расовой принадлежности. Звездным примером Мак Дональд был семинар для докторантов, который вел профессор педагогики Вэл Раст. Среди других спорных моментов Раст, по-видимому, настаивал на том, чтобы учащиеся писали слово *Indigenous* («коренной») с маленькой буквы *i*, хотя некоторые считали, что оно заслуживает написания с заглавной буквы, как и термины для других культурных групп (*Europeans*, *Mid-*

10. (Mac Donald, 2014).

westerners (европейцы, жители Среднего Запада)). Раст и его докторанты долго спорили по этому поводу, пока однажды Раст не похлопал одного из протестующих студентов по руке — действие, в котором Мак Дональд усматривает желание успокоить студента, но сам студент расценил его как намерение снисходительно отмахнуться от его жалоб.

В статье Мак Дональд нет попытки серьезно взвесить точку зрения студентов, которую она, похоже, считает безнадежно ошибочной. Но ее главная мишень — администрация университета. После того как студенты начали публично протестовать против поведения Раста, университет назначил комитет для расследования межрасовых отношений в кампусе. Комитет подготовил беззубый отчет, в котором, по сути, говорилось, что мы все должны больше стараться понять друг друга, а протестующих студентов благодарили за то, что они привлекли внимание к проблеме.

Для Мак Дональд отчет был актом опасной трусости. Она написала:

Самый ошеломительный промах отчета комитета и руководства вуза в целом — это нежелание предпринимать какие-либо публичные усилия, чтобы опровергнуть наговоры студентов против Раста. Наверняка коллеги Раста знают, что у него нет и следа расовой снисходительности или враждебности. Как выразился один из его студентов, «он чист сердцем». В сегодняшнем университете нет более порочащего обвинения, чем обвинение в расовой предвзятости или бесчувственности. Тем не менее администрация учебного заведения пожертвовала честью и чувствами Раста, не говоря уже об истине, чтобы избежать дальнейшего разжигания конфликта. Это промах не просто моральный, но и педагогический.

Темнокожие студенты Раста глубоко неверно истолковали происходящее в аудитории, увидев расовую неприязнь там, где ее не было и в помине. Мало того, что взрослые в педагогической среде не исправили заблуждений учеников; они вознесли этих учеников как героев. Тем самым администрация и согласный с ней преподавательский состав практически гарантировали, что протестующие и их сторонники пойдут по жизни, предъявляя подобные же жалобы на столь же призрачный расизм и ожидая столь же хвалебной реакции¹¹.

Статья Мак Дональд однобока и насмешлива. (Обратите внимание, что она противопоставляет студентов «взрослым» из администрации, хотя это студенты-докторанты, пишущие диссертации, которым, вероятно, по 20 или 30 лет.) Тем не менее она поднимает некоторые разумные вопросы. Во-первых, было ли справедливо по отношению к профессору Расту оставить без ответа обвинение в расовой предвзятости? Действительно ли университет несправедливо пожертвовал его репутацией? Во-вторых, даже если Раст делал именно то, о чем заявляли студенты, не придавали ли они этому слишком большого значения? Не равносильно ли столь большое внимание к относительно мягким формам пренебрежительного отношения охоте за «призрачным расизмом» и не поощряет ли это бесконечную спираль дальнейших жалоб на вымышленные обиды?

Эти вопросы естественным образом возникают при чтении сообщений СМИ о микроагрессии в университетских городках. В недавней статье *The New York Times* рассказывалось о тренинге по микроагрессии для первокурсников Университета Кларка в Массачусеттсе.

11. (Mac Donald, 2014).

чувствует. Сотрудница кампуса, отвечающая за культурное разнообразие, Шери Марлоу, предостерегла студентов от нанесения непреднамеренных обид, используя в качестве примера свои собственные промахи: она сказала, что ей нужно поработать над тем, чтобы не говорить «ребята», обращаясь к большим группам, поскольку некоторые студенты считают это гендерно неинклюзивным. Газета сообщала об этом так:

Для студентов Университета Кларка, таких как Ноэлия Мартинес, жительница Массачусетса, родившаяся в Пуэрто-Рико в семье выходцев из Доминиканской Республики, сессия стала прозрением.

«Это помогло мне понять, через что я проходила всю свою жизнь», — сказала она, описывая, как она терпела язвительные комментарии, такие как «ты очень хорошо учишься для латиноамериканки».

Но г-жа Мартинес, студентка-второкурсница, переведшаяся из другого университета, поняла также, что и она виновна в микроагрессии, потому что, по ее словам, она часто использует при обращении слово «ребята». «Это помогло мне понять, что я тоже микроагрессор»¹².

Легко ощутить авторитарный холодок, веющий от этой последней цитаты. Во времена Культурной революции в Китае ярые маоисты подвергали себя и других «проработкам», целью которых было заставить каждого человека публично признать свое порочное соучастие в капиталистическом классовом угнетении. Если вы уже скептически относитесь к идее микроагрессии, то образовательные за-

12. (Saul, 2016).

нения, после которых ученики послушно признают: «Я тоже микроагрессор», могут звучать как тревожные звоночки, сигнализирующие о том, что позитивная социальная тенденция быстро кренится в сторону принудительного всепоглощающего праздника стыда. Поэтому неудивительно, что некоторые люди считают идею микроагрессии не просто сомнительной, но и опасной.

Когда-то и я была скептиком в отношении микроагрессии. Я не выражала свои сомнения в такой сильной форме, как Билл О'Рейли или Хизер Мак Дональд, но меня тревожило, что в разговорах о микроагрессии, которые я наблюдала в университетских городках и особенно в социальных сетях, что-то пошло не так. Мне казалось, что люди часто взрываются из-за сомнительных ситуаций, переходя от реакции «о, лучше бы они так не делали» к реакции «они ужасные фанатики, и их следует избегать!».

Больше всего меня беспокоило то, что многие обвинения в микроагрессии были просто несправедливы по отношению к предполагаемому виновнику. Обвинения в расизме и сексизме — это тяжкие вериги на репутации человека. Но там много микроагрессий казались подлинными ошибками — ошибками людей, которые просто не знали, что их слова несут в себе оскорбительный смысл, или устали, или отвлеклись и посмотрели на кого-то не так. Казалось несправедливым относить совершающих такие относительно невинные ошибки в одну и ту же социальную категорию с отъявленными фанатиками.

Но постепенно я поняла, что мой скептицизм напрасен. Проблема не в самой идее микроагрессии — маргинализированные люди действительно подвергаются множеству мелких оскорблений, которые складываются в серьезное зло. Проблема в на-

шей *моральной реакции* на микроагрессию. Проблема в том, что у нас нет четкого понимания такого рода пагубных последствий или того, как возлагать ответственность за их причинение. Обычно, когда мы видим явный случай причинения вреда — скажем, взрослый преднамеренно бьет другого человека, — мы можем легко установить моральную вину. Человек, наносивший удар, знал, что делает, и знал, что тем самым причинит вред своей жертве. Если у него не было какого-то оправдания, вроде самообороны, то мы легко можем сказать: вы не должны были этого делать; вы должны загладить свою вину; нам может понадобиться наказать вас.

Но микроагрессия не похожа на побои как минимум по двум причинам. Во-первых, микроагрессия часто не преднамеренна; микроагрессоры часто не осознают, что причиняют вред, или реагируют слишком быстро, чтобы успеть задуматься. Часто кажется, что люди действительно *не контролируют* совершаемые ими микроагрессии. (Это будет основной темой главы 4.)

Во-вторых, каждая отдельная микроагрессия сама по себе причиняет мало вреда. Микроагрессии по-настоящему имеют значение только тогда, когда объединяются в систему угнетения. Если бы не произошло какой-либо конкретной микроагрессии, то ее отсутствие не оказало бы особого влияния на вред в целом, причиняемый маргинализированным людям. (Это будет основной темой главы 3.)

Взятые вместе, эти особенности усложняют наши попытки морального осмысления микроагрессии. Обычно мы не хотим винить людей, которые не полностью контролируют то, что они делают. И нам трудно понять, как разделить вину за большой вред, когда каждый виновник играет лишь незначительную роль, как в случае с изменением климата. Поэто-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru